

УДК 141.333-177.3-122/129

МИФЫ, МИФОЛОГЕМЫ И ИДЕОЛОГИЯ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ВЛИЯНИЯ НА СОЦИАЛЬНУЮ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Е.В. Пилюгина

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»,
г. Москва

Исследуется феномен панмифологизации реальности в современном обществе постмодерна; сопоставляются культурно-исторические мифы традиционного общества, идеология общества модерна и неомифология постмодерна; в контексте демаркации традиционных мифов, идеологий и современных мифологем анализируются точки нестабильности современного мирового социального пространства как сингулярные основания текущей информационной войны.

Ключевые слова: мифологема, миф, идеология, панмифологизация реальности, информационная война.

Культурное пространство современной социальной действительности – общества постмодерна – выглядит как конденсат самых разнообразных идей, мифов, мифологем. Панмифологизация реальности охватила даже традиционно тяготеющие к рационализму и прагматизму сообщества Западного мира¹. Более того, рассадником современных мифов выступает именно Западная цивилизация, впадая в состояние, которое социальные аналитики уже окрестили «новым Средневековьем» [7]. Мифологизация эпидемически расширяется, захватывая все большее, уже и не только западное пространство; современные мифы разрастаются, подобно раковым клеткам, подчиняя себе жизнедеятельность всего и всякого социального организма. Вступая в противоречия друг с другом и с «внешним миром», мифы становятся питательной средой социальных конфликтов (этнических, межгосударственных, геополитических, трансэкономических), стимулируя уже идущую глобальную информационную войну – Третью мировую информационного общества.

Важно подчеркнуть, что современные мифы и текущая война мифов и идей (выливающаяся на практике в *сеть* взаимосвязанных локальных гибридных войн) существенно отличаются от предыдущих (допостмодерновых) мифологических и идейных противостояний. Дистанцируя современные мифы от мифов традиционного общества, счи-

¹ Французский философ-постмодернист Л.Ж. Нанси высказывает обоснованное предположение: «Не исключено, что идея мифа представляет собой саму Идею Запада в её постоянных репрезентациях и в порыве погружения в свои собственные истоки с целью перевоплощения в саму судьбу человечества». [8, с. 93]

таю обоснованным введение термина «мифологема» как нельзя более подходящего для концептуального оформления *рационализированных образов* реальности, заполнивших сегодняшнее информационное пространство. Чтобы прояснить специфику новых мифов (мифологем), тем самым определив точки нестабильности – сингулярные основания текущей информационной войны и всего постмодернового мира, необходимо сравнить их как с мифами традиционного общества, так и с идеологией общества модерна, выявить общее и особенное.

Первыми обратили внимание на имеющий место в современности процесс распространения «нового мифологического мировоззрения» философы постмодернистской французской «волны» в лице Р. Барта, Ж. Батая, Ж. Бодрийера, Ж. Делеза, Л.-Ж. Нанси. Так, Ж. Бодрийер актуализировал проблематику и специфику информационной войны [3]. Р. Барт, одним из первых задавшись вопросом «Что такое миф в наше время?», смог определить точки соприкосновения традиционных и современных мифов, указав, что всякий миф – это способ означивания мира [1, с. 71], определенная семиологическая система [там же, с. 73], словесная *форма*, в которую реальность вливается, застывая, как желе; миф не отражает реальность, а *выражает* ее, и одновременно, выражает «рассказчика» (индивида или социум) как определенную систему взаимосвязанных нарративов, поэтому миф – это всегда история («слово, избранное историей» [там же, с. 72]), связанная с драматическими, травматическими событиями в жизни человека или народа. Миф – «кривое зеркало» реальности; искажая, деформируя [там же, с. 85] реальность, миф тем самым оправдывает самое себя, т. е. приобретает собственную значимость, определяемую не в категориях истины, а в категориях пользы; поэтому миф бесполезно оспаривать, можно только оценивать результаты его влияния [там же, с. 96], потому что миф имеет императивный, побудительный характер [там же, с. 89], основан на внушении и должен производить непосредственный эмоциональный эффект [там же, с. 94].

Но, выявив ключевые характеристики всякой мифологизированной действительности, Р. Барт оставил за пределами своих исследований вопрос о самом феномене современной неомифологизации, лишь обратив внимание на то, что «более внимательное чтение мифа никоим образом не увеличит и не ослабит силу его воздействия... ни время, *ни наши знания* (курсив мой. – П.Е.) не способны что-либо прибавить или убавить» к мифу [там же, с. 96]. Это важный момент, свидетельствующий, что информированность, интеллект или образование человека во все не являются защитой от посягательств мифа на контроль над сознанием: сегодня люди в массе своей не менее падки на устойчивые, эмоционально подкрепленные, шаблонные высказывания, на яркие образные модификации реальности («истории»), чем в период инквизиции или в 1917 г. в полуграмотной Российской империи. Но в таком случае

возникает вопрос, почему же предшествующий современный мир (индустриальное общество Нового времени) счастливо избежал всеобщей мифологизации, напротив, всемерно и небезуспешно ограничивая мифы сферой донаучного (нецивилизованного), мифологически-религиозно-мистического) знания и бытия. Другое дело, что современный мир конституировался в противостоянии идей и их систем (идеологий): идеологии Запада в широком смысле (предполагающей деятельностное отношение к природной среде, естественнонаучное и промышленное развитие, индивидуализм, активную личностную позицию, в том числе, в политической жизни) в противостоянии незападному миру; идеологии Запада в частном смысле как, прежде всего, западноевропейского блока стран во главе с США (включающей свободный рынок, частную собственность, либеральную демократию) в противостоянии марксистской («коммунистической») идеологии второго блока во главе с Советским Союзом и т. д. Но очевидно, что идеология также отличается от мифологии, как идея от образа. Р. Барт, сознательно или нет, не выявляет линии демаркации мифологии и идеологии, современных мифов и традиционных, просто постулируя, что «наше общество является привилегированной областью существования мифических значений» [1, с. 105]. Вероятно, поэтому, отдельные черты современного мифологизированного мировоззрения (именно современность интересует французского философа, а вовсе не историко-культурная подоплека мифа как такового, как, например, К. Леви-Стросса или М. Фуко) приписывается им всякой мифологизированной реальности, что вряд ли оправданно.

Предпосылки и причины актуализации мифологий в современности анализировал Л.Ж. Нанси [8, с. 113, 116], отмечая, что сегодняшняя увлеченность мифами обеспечивается социальной разорванностью и сингулярностью. На то, что «магические типы поведения» вызваны «слепым страхом, замороженностью перед лицом разорванного социального мира», в результате чего человек «зарывается в зыбучий песок» слов – «дурманящих знаков», указывали также и Р. Барт [1, с. 130], и Ж. Батай [2, с. 35, 36]. Чем больше ощущение разорванности, распада, одиночества перед непредсказуемостью внешнего мира, тем больше жажда мифов, так как «нам нужно зримое прошлое... зримый миф... который бы утешал нас относительно нашего конца» [4, с. 8]. (Отсюда и распространение в Новейшее время различных неорелигиозных систем, реанимация мистически-религиозного сознания в целом).

На это также обращал внимание Ж. Делез, утверждая, что современный метанестабильный сингулярный мир производит «блуждающие», «плавающие» значения, легко приобретающие форму «фантазмов», которые по сути «ни действие, ни страдание, а результат действий и страданий», т. е. «чистое» (виртуальное) событие, воплощающееся в виде определенных высказываний, передающих в образах глубинные бессознательные и подсознательные переживания [5, с. 143–144, 274].

Поэтому бессмысленно рассуждать, реальны ли собственно события, о которых повествует тот или иной миф: смысл события в эффekte, а не в корреляции с реальностью, и миф «конвертирует свой собственный вымысел в основании и установлении самого смысла» [8, с. 105]. В результате возникает феномен симуляции смысла и симуляции реальности, якобы породившей тот или иной смысл. Как отмечает Ж. Бодрийяр, «речь идет о субституции, подмене реального знаками реального, т. е. об операции по *dissuasion*» [4, с. 3] (что можно перевести как «разубеждение», «разуверение» и одновременно «устрашение», «отпугивание», а также «сдерживание», «удержание» и «*безОбразность*»): современные мифы в отличие от идеологии, не апеллируют к Логосу, но и в отличие от традиционных мифов уже не апеллируют к образам, а только к другим мифам, которые на самом деле предстают ремейками или сериями некоего исходного мифа как выдуманной, искусственной псевдореальности.

Таким образом, отныне миф оправдывается самим собой: смысл мифа – в самом мифе. Это отличает современный миф от традиционных мифов, которые всегда были коррелированы с действительностью и оправдывались этой самой корреляцией: эффект традиционного мифа состоял в том, чтобы приспособиться к действительности, поэтому, как отмечает Нанси, даже у древних греков с их рационализацией реальности «*logos*» и «*mythos*» суть одно и то же [8, с. 96] или, по крайней мере, находятся в гармонии в силу еще недостаточного развития Логоса. Современные мифологемы – результат гипертрофированного, доведенного до абсолюта Логоса, превратившегося в «чистое» высказывание, «идеальное событие», принадлежащее исключительно пространству языка. Поэтому собственно мифическое и логическое в такой мифологеме оказываются сначала в конфронтации, а затем в реверсии: опирающиеся на эмоциональный опыт «рассказываемые» мифом истории обосновываются логически, а затем логически обоснованные версии находят «подтверждение» в эмоциональном (историческом) опыте. Непрерывная реверсия логического и мифического в мифологеме приводит к тому, что история то и дело переписывается, причем предыдущие истории не отвергаются окончательно, вытесняясь в резервуар «общественного подсознания»; новые истории наслаиваются «сверху»; в результате миф теряет изначальную эмоциональную однородность и логическую последовательность, превращаясь в фрагментированную (пазловую) виртуальную реальность.

То есть мифологема – слоистое образование, включающее все варианты восприятия как серии изначальной истории. Но миф по сути не может быть полилогичен – полилогичной может выглядеть (представляться) социальная реальность; миф же стремится к однородности восприятия, ведь только таким образом можно диктовать волю сознанию. Миф – не рефлексия, а императив. Поэтому предыдущие «серии» – истории – берутся фрагментарно, склеиваясь в той последовательности, которая необходима в данный момент: реальность мифа сворачивается в «ленту Мебиуса»

са», где «logos» и «muthos» уже не противостоят семантически друг другу, а плавно переходят друг в друга, становясь то «изнанкой», то «лицом» реальности мифа – единственной отныне доступной реальности.

Итак, сопоставляя современные мифологемы, мифы прошлого и идеологию, важно обратить внимание на следующее. Традиционный миф – иерархическая система образов. Традиционные мифы всегда были связаны с конкретной реальностью, природной или исторической, хотя, конечно, отражали не столько непосредственно саму реальность, сколько отношение к ней, переживание этой реальности. Традиционные мифы свидетельствовали о подчинении человека (общества, культуры) природной действительности. Но это и попытка ограничить влияние природного определенными формами, социальными рамками. В психосоматическом аспекте мифы – выражение подсознания человека как индивидуального (пока еще растворенного в социальном), так и коллективного (архетипов). Мифы отражают процесс обособления человеческого сообщества от природы, ориентированы в прошлое, тяготеют к корням, основаны на естественных эмоциях и инстинктах. Мифы сочиняют все и никто, как сказки и поговорки (собственно, сказки и есть некоторые сформулированные мифы). Мифы можно сравнивать по их значению в истории и культуре как отдельных народов, так и мирового сообщества в целом (мифы об умирающем и воскресающем боге, апокалипсические мифы и т. д.).

Идеология – иерархическая система идей. Идеология связана исключительно с социальной реальностью, причем не столько с прошлым, сколько с настоящим и будущим, ориентирована в будущее. В социальном смысле идеология – показатель влияния общества на индивида, но это и попытка преодолеть такое влияние, поэтому возникает в современном обществе с его установками на индивидуальность и личностное восприятие реальности. В самом крайнем своем варианте это выражение массового общества; но ведь само массовое общество сформировалось в результате выхода на авансцену истории широких масс *индивидов*, получение ими доступа к образованию/власти. Идеология – рационализация социального и рационализация реальности. Здесь нет места эмоциям (или, по крайней мере, есть стремление свести эмоции к минимуму): «только бизнес (рынок)», или идеи «социального равенства», или даже «великой нации» – не важно, какие идеи становятся приводными для масс, важно, что посредством целенаправленного освоения этих идей *массы* реализуют стремление влиять на реальность. То есть идеи в Новое время внедряет само общество, отдельные его представители, как, скажем, К. Маркс или А. Смит, В. Ленин или А. Гитлер, – лишь выразители этих идей; отсюда – вера в объективность законов истории/законов общества. Идеология распространяется только в готовом принять те или иные идеи обществе, т. е. всегда имманентна социальной реальности. (Именно поэтому марксизм стал социально-политической

идеологией не столько Европы, сколько постимперской России с ее об- щинной психологией.) Идеологии сравниваются по результативности, т. е. способности охватить как можно большее социальное пространство и стать двигателями социального развития. Идеология – производное реальности, но и стремление покорить реальность, оформить ее, упоря- дочить, ограничив ее влияние с помощью разума.

Мифологема – фрагмент ризоморфной неиерархической соци- альной реальности постмодерна, полиморфной, полилогичной, под- черкнуто неструктурированной и неупорядоченной. Мифологема рас- пространяется в обществе «радикального плюрализма», где «все воз- можно» и «все недостоверно» одновременно, в мире непредсказуемом и еще более динамичном, чем мир модерна. И если Новое время, разуве- рившись в аксиоматичности Бога, нашло альтернативу в самом челове- ческом разуме как трансцендентном основании личностного и социаль- ного бытия, то в Новейшую эпоху человек утратил все априорные уста- новки и трансцендентные идеи (метанарративы), оказавшись один на один с Хаосом и сингулярностью мира. Более того, борьба с любыми метанарративами и трансгрессия как преодоление всяческих границ (идейных, социальных, психофизиологических) были провозглашены принципами современного социального бытия, потому что выжить в мире, понятом как Хаос, можно только, по словам Ж. Делеза, «впустив немного вольного и ветреного хаоса в себя» [6, с. 371]. Эта борьба-игра с хаосом с помощью гомеопатических доз самого хаоса и выливается в конструирование и распространение мифологем в духе так популярных ныне в некоторых политических кругах теорий «управляемого хаоса». Фактически мифологема – это искусственно сконструированный миф, созданный определенными социальными силами или даже лицами ради определенных социальных целей. Это не значит, что она не опирается на какую-либо значимую историю; это значит, что мифологема создает ремейк истории, этакий голливудский образ, выдавая его за реальную историю. В современном мире продельвается фокус: реальность опро- кидывают, вытряхивают из нее историю и заполняют... нет, уже не природой, как ранее по Барту, а той же историей, но разорванной, рас- колотой и фрагментированной. В результате, вместо целостной картины мира мы получаем мозаичную, пазловую, в которой отдельные фраг- менты-пазлы могут легко и произвольно заменяться другими, лишь по- хожими *по форме, образу* [1].

Разумеется, при этом должны соблюдаться два условия. Внедре- ние мифологем возможно лишь в подготовленное общество: достаточно комфортную материально и социально среду с «клиповым» мышлени- ем² (так как в столкновениях с реальными социальными трудностями мифологема просто рассыпаются, а здоровой рациональной культурой

² Термин «клиповое мышление» ввел Ф.И. Гиренок (см. [9]).

воспринимаются как девиация); реинжиниринг мифологем должны осуществлять силы, в некотором роде находящиеся *над* обществом (иначе «инженеры» мифологем сами могут оказаться в опасности заражения изобретенным вирусом). И если первое условие соблюдается по мере реального вовлечения в естественный процесс глобализации (через мировую экономику, геополитику, глобальные информационные сети, Интернет) все большего количества народов и государств, то для реализации второго условия, как представляется, необходим выход за пределы планетарного пространства. В противном случае социальные силы и элиты, заинтересованные во внедрении в то или иное общество тех или иных мифологем, сохраняя при этом связи с определенной этнической (государственной, языковой и т. д.) средой, т. е. являясь носителями определенных нарративов этой среды, не будут в достаточной мере *космополитичными*, чтобы контролировать процесс производства и распространения вбрасываемых информационных вирусов извне. И тогда созданный информационный голем может вырваться из слабых рук создателей, а «управляемый хаос» легко превратится в неуправляемый (что мы и наблюдаем сегодня в разворачивающихся на глазах пока локальных, «горячих» конфликтах).

В отличие от рационализированной идеологии и мистифицированной (сублимирующей) мифологии неомифология современности предстает как попытка рационализации подсознания. Но в разговорах теряется *вещность* подсознания, живые эмоции заменяются их суррогатами. Различные используемые в психологии и социологии нарративные практики, практики «управляемого хаоса» и «цветных революций» в политике и экономике - гомогенные модифицированные современным обществом заменители реальной действенной социальной и психической энергии, жизни.

На выходе вместо целостного многообразия получаем размноженную однородность – самоподобное, бесконечно производящее самое себя общество, социальный фрактал. Так произошло с идеей демократии, превратившейся в едва ли не ключевую мифологему нашего времени и особенно Западного сообщества: все многообразие демократических систем и принципов было сведено к либеральной представительной (парламентской) демократии англосаксонского типа, бесконечно производимой и внедряемой во всех уголках земного шара как идеальной *формой* («делового костюма» «цивилизации»), несмотря на явное несозвучие и даже противоречие конкретным обществам, их истории и культуре.

В отличие от традиционных мифов и идеологии, современные мифологемы не сравнимы ни по результативности, ни по охвату масс, ни по влиянию в сообществах, так как не имеют прямого отношения к исторической реальности. При этом мифологемы сами способны серьезно повлиять на социальную действительность – методом деконструкции. Если традиционные мифы позитивны в плане консолидации эмо-

ционального настроения общества, если идеологии позитивны в плане консолидации социального сознания, рационального настроения общества, то мифологемы разрушительны: в эмоциональном плане в мифологемах культивируются самые опасные асоциальные, агрессивные и регрессивные психические состояния; в рациональном плане – пропагандируются бездоказательные, даже абсурдные, явно не свидетельствующие ни об интеллекте, ни об образованности, заявления (получившие в сегодняшней российской блогосфере определение «псакизм» по имени пресс-секретаря госдепартамента США Дж. Псаки, «прославившейся» подобными высказываниями).

Мифологемы подобны вирусам; комфортная для них среда – социально нестабильное, охваченное различными социальными «болезнями» (коррупция, безработица, социальная апатия и депрессия) общество с ослабленным иммунитетом. Поэтому главная задача мифологем – не консолидация, а дестабилизация обществ. Только общества с сильным иммунитетом в виде устойчивых традиционных мифов или сложившихся идеологий могут противостоять мифологемам. Мифологемы не воюют с реальностью, они ее просто игнорируют, создавая взамен собственную виртуальную реальность; мифологемы не воюют между собой – как параллельные миры, как вирусы, поражающие различные органы одного социального организма, вполне способны уживаться друг с другом, даже не перекрещиваясь в социальной действительности. Главная опасность для мифологем – это сплывающие общество устойчивые метанарративы, в качестве которых выступают традиционные (культурно-исторические) мифы и массовые (религиозные, социально-политические) идеологии.

Таким образом, сегодняшняя Третья мировая (информационная) война идет между, с одной стороны, мифологемами и переформатированными ими обществами а, с другой, – между все еще (хотя бы частично) тяготеющими к допостмодерновым формам мировоззрения культурами и народами. Так, одно из ключевых противостояний современного мира – между зараженным мифологемами Западом и идеологизированными Китаем (социально-политическая идеология), арабским миром (религиозная идеология). Информационное противостояние между Россией и Западом имеет несколько иной ракурс: вследствие утратившей актуальность в 90-е гг. прошлого столетия некогда действенной социально-политической советской идеологии, сегодняшняя Россия уже не может (или пока не может) использовать эффективный идеологический инструмент в борьбе с вирусом мифологем. В то же время в истории России было достаточно травматических событий, имевших конечный положительный в культурно-историческом плане эффект: победы в Отечественных войнах, преодоление экономических трудностей в годы индустриализации и постперестроечное время и т. д. А именно такого рода события производят важные мифы как культурно-исторические

аттракторы общества, структурные элементы единой ментальной системы. Осознавая (или, может, интуитивно чувствуя) это, современная российская политическая элита в противостоянии с мифологемным Западом (и прежде всего с США, которые Жан Бодрийяр окрестил «быстрозамороженной» версией, «дайджестом» западной цивилизации [4, с. 7]) акцентирует и поддерживает значимые мифы, связанные с ключевыми событиями российской истории (например, победа в Великой Отечественной войне), а также реанимирует «забытые» или даже некогда исключенные из ареала мейн-стримовских мифы (к таковым можно, на мой взгляд, отнести миф о «сильной личности» правителя в российской истории и связанную с ним происходящую сегодня реанимацию политической фигуры Сталина).

В первом случае война идеологий и мифологем выглядит в культурном плане как противостояние рационального взгляда на мир и псевдорационального (сциентистского); идей, опирающихся на реальность, и идей-симулякров, а в социальном плане – как противостояние реальной экономики с акцентом на производство и виртуальной симулятивной финансовой экономики. Во втором случае война традиционных мифов и современных мифологем выглядит в культурном плане как противостояние образов реальности (связанных с историей генетически или суррогатно), сильных естественных эмоций и их искусственных заменителей, а в социальном плане – как противостояние политики, опирающейся на реальную поддержку населения, и политики, создающей иллюзию поддержки населения с помощью медиа-средств (например, рейтинговых агентств).

Конечно, произвести четкую демаркацию между ориентированными на мифологемы, на идеологию или традиционные мифы обществами сегодня едва ли возможно, так как глобализация обеспечивает непрерывную конвергенцию социальных и культурных явлений. Можно лишь обозначить ментальное *тяготение* разных сообществ к различному восприятию реальности. Когда боевики ИГИЛ, играя на публику, символически казнят людей, назначенных врагами, создавая красочную видеокартинку и стимулируя определенные ответные переживания, когда японские СМИ вспоминают о трагедии Хиросимы, всячески обходя один фрагмент – факт непосредственной вины нынешних американских «союзников», когда масс-медиа всех заинтересованных в текущей информационной войне государств освещают происходящие события, – во всех этих случаях рассказываются *истории*, имеющие отношение во многом не к тому, что было «на самом деле», а к «рассказчикам» и их реципиентам. Мифы, мифологемы и идеологии могут выглядеть также как разные грани или даже слои одной социальной реальности – общества постмодерна. Об этом говорит, например, ситуация в сегодняшней Западной Европе с ее значимыми культурными принципами (паттернами), связанными с сильными историческими мифами как аттракторами

западноевропейской традиции, с одной стороны, и влиянием мифологем, созданных на базе фрагментированного мировосприятия самой Западной Европы – с другой, реальная история здесь вступает в противоречие с популярными ремейками и ремиксами истории. В социально-политическом плане это выливается в сегодняшний кризис Европейского союза, в противостояние глобалистов и антиглобалистов, сторонников реализации «национальных государственных интересов» и проводников объединенной политики Брюсселя и т. д. (Заметим, что особенно остро это противостояние во влиятельных культурных центрах европейской цивилизации – Франции, Италии, Германии, Греции, Венгрии, Чехии.) Причем чем дальше и масштабнее будут разворачиваться текущий мировой экономико-политический и цивилизационный кризисы, тем серьезнее будет проявляться кризис самой Европы, тем выигрышнее окажутся позиции традиционных европейских мифов, опирающихся на реальную историю: в острой фазе столкновения с реальностью мифологемы обречены проиграть. Внедрение мифологем эффективно в условиях относительной социальной стабильности – с целью консервации ментальной сингулярности, отличающей постмодерн, или в уже социально больном обществе – с целью дальнейшей дестабилизации. Ведь на саму мифологему опереться нельзя – как можно опереться на симулякр реальности? Впрочем, мифологема и не для этого служит, её главная задача – воспроизводство сингулярности в сингулярном пространстве, так как ментально нестабильные социальные субъекты проще и эффективнее контролировать (манипулировать ими) через создание нестабильных для них жизненных ситуаций.

Имеющее место в настоящее время противостояние напоминает ситуацию кризиса античности, когда под ударами «варваров»-германцев рушилась Римская империя, а на ее обломках возникали, как грибы, средневековые государства. Удержалась от хаоса тогда восточная часть Римской империи – Византия, имея достаточный запас социальной прочности *за счет включения и ассимиляции незападных элементов*. Вне территории хаоса оказался и быстро набравший силу тогда арабский мир, древние цивилизации Индии и Китая. Конечно, история никогда не повторяется буквально, хотя бы потому, что сегодняшнее противостояние происходит в условиях экономической и, что особенно важно, информационной глобализации, поэтому имеет не столько социально-политический характер, сколько ментальный. Это не конфликт государств или этносов, даже не столько конфликт цивилизаций как определенных типов общества (условно «западного» и условно «восточного»). Это цивилизационный конфликт в плане противостояния различных матриц восприятия реальности и прежде всего социальной реальности. Поэтому точки сингулярности в текущей информационной войне и всем постмодерновом социальном пространстве – там, где сталкиваются не различные общества, не Запад, Восток, Россия как

культурно-исторические образования, а там, где соприкасаются разные духовные ситуации: – преимущественно мифологемно ориентированные, мифологически или идеологически.

Список литературы

1. Барт Р. Мифологии. Mythologies. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. 320 с.
2. Батай Ж. Внутренний опыт. СПб: Аксиома, 1997. 336 с.
3. Бодрийяр Ж. Войны в Заливе не было // Художественный журнал. М., 1994. № 3. С. 33–36.
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция // Жан Бодрийяр [Электронный ресурс]. Симулякры и симуляция. URL: <http://exsistencia.livejournal.com> (дата обращения 18.03.2015).
5. Делёз Ж. Логика смысла. М.: Раритет, 1998. 480 с.
6. Делёз Ж. Что такое философия? / Всемирная философия. XX век. Минск: Харвест, 2004. 810 с.
7. Казин А. Грядет ли новое Средневековье? // Санкт-Петербургские ведомости. 2013. № 3. [Электронный ресурс]. URL: http://old.spbvedomosti.ru/article.htm?id=-10295320@SV_Articles (дата обращения 03.05.2015)
8. Нанси Ж.Л. Прерванный миф / Непроизводимое сообщество. Прерванный миф. М.: Водолей, 2009. 337 с.
9. Гиренко Ф.И. Клиповое сознание. [Электронный ресурс. Газета «Завтра», выпуск №51. Форум]. URL: / <http://zavtra.ru/content/view/klipovoe-soznanie/>. (Дата обращения 19.06.15).

MYTHS, MYTHS AND IDEOLOGY AS INSTRUMENTS OF INFLUENCE ON SOCIAL REALITY IN TERMS OF INFORMATION WARFARE

E.V. Pilyugina

Moscow Pedagogical State University, Moscow

This article examines the phenomenon of pan-mythologizing of reality in contemporary postmodern society; compares cultural-historical myths of traditional society, the ideology of modern society and neo-mythology postmodern society; in the context of the demarcation of the traditional myths, ideologies and contemporary mythologems are analyzed point; analyzes the points of instability of the modern world in terms of social space as a singular basis of current information war.

Keywords: *mifologema, myth, ideology, pan-mythologizing, information war.*

Об авторе:

ПИЛЮГИНА Елена Владимировна – кандидат философских наук, докторант кафедры философии ФГОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет», Москва; директор Территориального центра НОУ ВПО «Российский новый университет» (РосНОУ), Москва. E-mail: elenavpilugina@yandex.ru

Author information:

PILYUGINA Elena Vladimirovna – Ph.D., Ph.D. candidate of Department of philosophy of Moscow Pedagogical State University, Moscow; Director of Representation of Russian New University, Moscow. E-mail: elenavpilugina@yandex.ru